

И.Л. Бахтина
Екатеринбург

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общеобразовательные школы, содержание образования, учебно-воспитательный процесс, реформы образования, история образования.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные аспекты трансформации содержания образования и воспитания в советской общеобразовательной школе в первое десятилетие советской власти. Советская школа рассматривалась партийными и советскими органами как орудие коммунистического перерождения общества, она не могла строить учебно-воспитательный процесс, основываясь на методах и принципах дореволюционной школы.

Партийным руководством страны декларировалась необходимость коренного пересмотра характера и содержания обучения и воспитания школьников. В учебных программах нашло отражение новое понимание целей и задач школьного образования, сводившееся к формированию у учащихся революционного мировоззрения и материалистического понимания законов общественного развития. Переосмысление исторического прошлого происходило с точки зрения классового подхода, отодвинувшего на второй план общечеловеческие ценности. Составной частью нового мировоззрения стали интернационализм и воинствующий атеизм; национальное самосознание и патриотизм рассматривались как атрибуты прошлого, не соответствующие новой революционной идеологии.

I.L. Bakhtina
Ekaterinburg

TRANSFORMATION OF EDUCATION CONTENT IN SCHOOLS OF THE URAL REGION IN THE 1920s

KEYWORDS: secondary schools, educational content, educational process, educational reform, history of education.

ABSTRACT. The article deals with the main aspects of the transformation of the content of education and upbringing in the Soviet secondary school in the first decade of Soviet power. The Soviet school was considered by the party and Soviet bodies as a tool of Communist rebirth of society, it could not build the educational process, based on the methods and principles of the pre-revolutionary school.

The party leadership of the country declared the need for a radical revision of the nature and content of education and upbringing of schoolchildren. The curriculum reflected a new understanding of the goals and objectives of school education, which was reduced to the formation of students' revolutionary Outlook and materialistic understanding of the laws of social development. The rethinking of the historical past took place from the point of view of the class approach that overshadowed universal values. Internationalism and militant atheism became an integral part of the new worldview; national identity and patriotism were seen as attributes of the past, not corresponding to the new revolutionary ideology.

В 1920-е гг. в содержании работы общеобразовательных школ произошли большие изменения. Как и в дореволюционный период, главной задачей советской школы было научить читать и писать ребенка, но из двух основных аспектов школьной работы – образования и воспитания – этой школой уже в процессе её создания основной упор был сделан не на передачу знаний, а на воспитание нового человека нового общества². При этом целевые установки самого образовательного процесса претерпели значительную трансформацию: на место господствовавшего в дореволюционной школе убеждения в самоценности знания пришло иное, прагматическое понимание учебного процесса, рассматривавшегося теперь исключительно в плане социализации ученика. П. П. Блонский, один из ведущих теоретиков новой школы, считал, что «наш ученик должен изучать мир и жизнь, а не арифметику и физику»³. Ему вторил С. Т. Шацкий: «Разрешение детского вопроса не в том, чтобы все дети были

¹ **Бахтина Ирина Леонидовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: bahtina@uspu.me.

Bakhtina Irina Leonidovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

© Бахтина И. Л. 2019

² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1993. С. 142.

³ Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. С. 61.

грамотными, а в том, чтобы они умели жить»¹. При таком подходе учебный процесс неизбежно терял присущую русской дореволюционной школе классически-академическую окраску и приобретал новые черты, диктуемые временем революционных преобразований.

Абсолютизация воспитательной и понижение образовательной функций учебного процесса порождала постоянные на протяжении 1920-х гг. дискуссии о растворении школы в жизни, об отмирании школы в грядущем коммунистическом обществе². По мнению советских теоретиков, школа не должна была замыкаться в себе, напротив, ее влияние на общество должно было быть столь же сильным, как и влияние общества на школу³. По мнению С. Т. Шацкого, нужна была школа, «которая организует и изучение жизни, и участие школы в ней»⁴. Однако многие черты новой советской школы имели прямую преемственность с исканиями русской дореволюционной демократической педагогики⁵.

Так как советская школа рассматривалась партийными и советскими органами как орудие коммунистического перерождения общества, она не могла строить учебно-воспитательный процесс, основываясь на методах и принципах дореволюционной школы. Партийным руководством страны декларировалась необходимость коренного пересмотра характера и содержания обучения и воспитания школьников.

Основные принципы содержания воспитательной работы советской школы были отражены в «Основных принципах единой трудовой школы», где выделяются три основных задачи воспитания подрастающего поколения – развитие коллективизма, интернационализма и безрелигиозности⁶. В документе провозглашалось, что «в воспитании самой прекрасной задачей является создание школьного коллектива». Вместе с коллективизмом целью педагогического процесса заявлялся интернационализм⁷. Антирелигиозное воспитание было еще одной неотъемлемой составляющей школьной работы.

В 1920-е гг., опасаясь оживления мелкобуржуазной идеологии в условиях НЭПа, большевистское руководство требовало от органов народного образования особое внимание уделять повышению общественно-политических знаний школьников. Эти знания должны были даваться, прежде всего, в ходе текущего учебного процесса в непосредственной связи с изучаемым материалом. Однако в этот период особая роль в политическом воспитании отводилась новым общественным дисциплинам – обществоведению и политграмоте. Тем более что, отказавшись от преподавания Закона Божия в школах, органы Советской власти стремились дополнить воспитание усилением политической направленности обучения.

В учебных программах нашло отражение новое понимание целей и задач школьного образования, сводившееся к формированию у учащихся революционного мировоззрения и материалистического понимания законов общественного развития. Переосмысление исторического прошлого происходило с точки зрения классового подхода, отодвинувшего на второй план общечеловеческие ценности. Составной частью нового мировоззрения стали интернационализм и воинствующий атеизм; национальное самосознание и патриотизм рассматривались как атрибуты прошлого, не соответствующие новой революционной идеологии.

В 1918–1919 гг. Наркомпросом РСФСР были подготовлены программно-методические материалы почти по всем предметам обществоведческого цикла. В тезисах к примерной программе по обществоведению отмечалось, что учитель может «отбросить всякую заботу о том, чтобы «пройти» обществоведение по данной или какой либо другой программе, Он должен только внимательно присматриваться к детям и помогать им решать все вопросы, которые в данный момент встали перед ними»⁸. На основе новых программных требований в школах I ступени в пятом классе начиналось изучение Конституции РСФСР⁹.

В связи с реорганизацией школьного образования (вводилась школа-семилетка) в 1920 г. были опубликованы новые учебные планы единой трудовой школы I и II ступени, на основании которых на

¹ Очерки по истории советской школы и педагогики. М., 1965. С. 217.

² Вендровская Р. Б. Воспитание в процессе обучения: теория и практика 20-х гг. // Советская педагогика. 1988. № 4.

³ Там же. С. 113.

⁴ Направления педагогических дискуссий 20-х годов // Становление и развитие советской школы и педагогики (1917-1937 гг.). М., 1995. С. 26.

⁵ Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917–1920 гг.) М., 1958. С. 45.; Вендровская Р. Б. Очерки истории советской дидактики. М., 1982. С. 11; Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. С. 266-269.

⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1993. С. 38.

⁷ Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917–1920 гг.) М., 1958. С. 121.

⁸ Бущик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 105.

⁹ Там же. С. 110-111.

общественно-исторический цикл дисциплин отводилось 11 часов в неделю в школе I ступени и 20 часов в школе II ступени, фактически в 1,5 раза больше учебных часов, чем в гимназии и реальном училище, и в 2 раза больше, чем в коммерческом¹.

Руководство Наркомпроса РСФСР, взяв курс на «ликвидацию старой школы», высказалось за замену истории как учебного предмета курсом обществоведения, включающим комплекс элементарных сведений из истории культуры, страноведения, политической экономии, права и этнографии. В программе 1921 года эта идея была реализована, и в советской школе 1920-х гг. исторические курсы были заменены обществоведением. Однако в самом понимании обществоведения как учебного предмета среди педагогов не было единства. Некоторые из них полагали, что обществоведение лишь по названию призвано заменить историю, поэтому нередко в учебные планы школ включалось обществоведение, а преподавалась история.

Программы по обществоведению, изданные Наркомпросом РСФСР в 1923 году, в соответствии с программами ГУСа хотя и считались обязательными, требовали насыщения материалом по текущей политике, местными фактами. Партийные органы следили за выполнением этих требований.

Не являлись исключением и партийные организации Уральской области. Например, в начале 1926 года Нижнетагильский окружком ВКП (б) провел обследование преподавания обществоведения в школах округа, которое показало, что в процессе преподавания «местный материал используется недостаточно, подчас не совсем удачно, вопросы текущей политики или вообще не рассматриваются или освещаются крайне слабо»². Окружком потребовал от заведующих школами устранить недостатки в преподавании этой учебной дисциплины. Аналогичную работу проводили все окружные и районные партийные органы. В принятых ими постановлениях было предложено переработать программу по обществоведению – сделать ее более доступной, сократить объем, увязать с текущими задачами РКП (б)³.

Учебные программы 1920-х гг. предусматривали введение обществоведения и политграмоты в учебный процесс не ранее второго класса начальной школы. В частности, учебный план школ I ступени Екатеринбургской губернии на 1924–27 гг. вводил такую учебную дисциплину, как обществоведение и выделял на ее изучение во 2 группе – 9 ч.⁴

Программы 1925 года по обществоведению предполагалось вводить в учебный процесс с 5 года обучения, в то время, как подавляющее большинство школ Уральской области были начальными, даже к 1927/28 уч. г. половина школ I ступени не имела полного курса обучения, это были школы трехлетки и двухлетки. Больше половины начальных школ были однокомплектными, а это, как правило, были школы двухлетки (исключение составлял Пермский округ). Следовательно, программы по обществознанию, рассчитанные на четырех – и пятилетние школы I ступени, не могли быть реализованы в полном объеме в условиях уральской школы.

В то же время, несмотря на многочисленные постановления, распоряжения и директивы, в сложнейших экономических условиях 1921 – начала 1923 гг., когда речь шла о сохранении школ в целом, преподавание обществоведения в достаточном объеме не представлялось возможным не только на селе, но и в городских школах. Поэтому учителя ограничивались передачей кратких сведений, азов политграмоты. Уровень преподавания общественных дисциплин, как правило, был очень низким⁵.

Справедливой для многих школ Урала является оценка, данная в отчете Мотовилихинского райкома РКП (б): «Политграмота в школах в 1922–23 уч. г. была поставлена чрезвычайно скверно»⁶. Из отчета областного бюро ЦК РКП (б) I Уральской областной конференции РКП (б) становится ясно, что приступить практически к организации преподавания обществоведения в уральских школах удалось только с осени 1923 года. В своих резолюциях партийные конференции постоянно напоминают о важности этого направления в образовании и воспитании органам народного образования⁷.

Для активизации деятельности районных партийных комитетов по руководству и контролю над постановкой политвоспитания в школах уральские губернские, а затем окружные комитеты партии разрабатывали для них инструктивные материалы. В марте 1923 года агитпропколлегия Пермского губкома РКП (б) приняла решение о разработке инструктивных писем по постановке преподавания обществоведения для уездных и районных комитетов партии. В декабре 1926 года аналогичную ра-

¹ Бущик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 122.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 595. Л. 166; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 335. Л. 60; ГОПАПО. Ф. 557. Оп. 3. Д. 2223. Л. 51.

³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1993.

⁴ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1975.

⁵ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 557. Оп. 4. Д. 92. Л. 38.

⁶ Там же.

⁷ Округ (орган Свердловского окрисполкома и горсовета). 1927. № 11.

боту провел Кунгурский окружком партии¹. С целью контроля политико-воспитательной работы в школах, партийные органы практиковали обследование школ, посещение уроков ответственными партийными работниками, рассматривали и утверждали программы по предмету, регулярно заслушивали отчеты отделов народного образования по данному вопросу, старались подбирать опытных коммунистов для преподавания общественных дисциплин.

Серьезным препятствием в реализации программ был и образовательный уровень учителей. По результатам школьной переписи² к концу 1920-х гг. из общего числа учителей школ I ступени 39,1% не имели даже общего среднего образования. В то же время программа 1921 года предполагала, что учащиеся 9-10 лет должны были изучать такие вопросы, как: происхождение человека, первобытный коммунизм, развитие семьи, возникновение религии и т. д.

Вследствие того, что в большинстве школ не было специально подготовленных преподавателей обществоведения, ЦК РКП (б) дал указание о привлечении к этой работе коммунистов, имеющих педагогический или лекторский стаж и достаточную политическую подготовку. Уральские партийные конференции (Екатеринбургская, Челябинская, Златоустовская и др.), проходившие в конце 1922 – начале 1923 гг., приняли решение о мобилизации для преподавания общественных дисциплин в школах лучших коммунистов³.

Несмотря на то, что партийные комитеты проводили определенную работу по подбору коммунистов, ввести преподавание обществоведения из-за отсутствия преподавательских кадров в целом по школам Уральской области в 1923 и начале 1924 гг. не удалось. Например, агитпропотдел Пермского окружкома РКП (б) хотя и направил в школы 17 коммунистов, преподавание политграмоты ограничилось всего 2-3 часами занятий⁴. В декабре 1924 года Катав-Ивановский райком РКП (б) Златоустовского округа заявлял, что только отсутствие постоянных кадров коммунистов-обществоведов не позволяло вести бесперебойные занятия⁵.

В январе-марте 1927 года в Уральской области работала специальная комиссия агитпропотдела обкома партии и областной рабоче-крестьянской инспекции, которая произвела обследование состояния общественно-политического воспитания в школах⁶. Выяснилось, что значительное количество преподавателей-обществоведов плохо подготовлена и слабо разбирается в вопросах современной политики. Многие преподаватели общественных дисциплин работали в школах по совместительству, что значительно снижало качество их преподавания. В отчете Уральского обкома ВКП (б) VIII областной партийной конференции говорилось, что на ноябрь 1927 года во всех школах области имелось не более 8% коммунистов-обществоведов и не более 15% преподавателей обществоведения – выпускников советских вузов и техникумов.

В рассматриваемый период в учебно-воспитательной работе школы РСФСР получили распространение новые дидактические приемы и методы. В области дидактики, непосредственно методики преподавания, в послереволюционной школе утверждался активно-исследовательский подход. Согласно установкам руководителей народного образования и ученых-педагогов того времени, ребенок должен был не пассивно усваивать то, что говорит учитель или написано в учебнике, а самостоятельно изучать и осваивать все богатство мира через экскурсии, работу в лабораториях, наблюдения за природой и т. п. Например, писал: «В школе ребенок не учится, но упражняется в самостоятельных занятиях»⁷.

В 1920-е гг. получила методика организации учебной работы, получившая название лабораторного плана или «дальтон-плана»⁸. Используя «дальтон-метод», учителя стремились к тому, чтобы учащиеся понимали цель своей работы, самостоятельно организовывали ее.

Во второй половине 1920-х гг. в школах РСФСР началось распространение еще одного дидактического нововведения – метода проектов. Суть его заключалась в выполнении учащимися определенных практических заданий; при этом сначала ставилась задача, что нужно сделать, а затем ученик определял, что необходимо для этого узнать, и самостоятельно работал над этим.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 167. Л. 108.

² Отчет Уральского областного бюро ЦК РКП(б) Первой Уральской областной конференции РКП(б), 5-го декабря 1923 г. Екатеринбург, 1923. С. 79.

³ Шацкий Ф. Ф. Педагогические сочинения. Т. 2. М., 1980.

⁴ Холмс. История России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994. С. 67, 73.

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1494. Оп. 1. Д. 215. Л. 71; Д. 335. Л. 60.

⁶ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1975. С. 17.

⁷ Очерки по истории советской школы и педагогики. М., 1965. С. 237.

⁸ Просвещение на Урале: стат. сб. Свердловск, 1930. Сер. 6. Т. 8. С. 136.

Однако что касается Урала, то все эти новые методы в полной мере реализовывались лишь в немногих школах, главным образом городских. В сельской местности все, большей частью, оставалось по-старому. Причиной тому было тяжелое материальное положение школ и неподготовленность педагогического персонала. Пожалуй, единственным из новых методов, который мог применяться в деревенских общеобразовательных учебных заведениях действительно широко, был экскурсионный, как не требующий значительных материальных затрат.

В то же время, как нам кажется, внедрение элементов новых методик в ряде случаев носило зачастую вынужденный характер и никак не зависело от желаний и методических пристрастий учителя. Причина была в плохой обеспеченности школ учебной и методической литературой. В большинстве школ, в первую очередь деревенских, книги имелись в единственном экземпляре, поэтому их приходилось читать коллективно в классе или в группах. Читал учитель или ученики по очереди. Для выполнения домашнего задания ученики должны были собираться в классе или дома у кого-либо из учеников.

В этой ситуации методический совет УралОНО в 1924 году вынужден был прописать рекомендации учителю, как он должен вести уроки в условиях нехватки или отсутствия учебной литературы: чаще самому читать вслух; если книги разные, они выдаются разным группам учеников и затем прочитанное обсуждается. Рекомендованы дискуссии, доклады. Вопросы общественно-политического характера обсуждаются в митинговом и дискуссионном порядке. Для ведения собрания избирается президиум и секретарь. Ответственный секретарь – это школьный работник, он ведет протокол, затем выносятся постановления. Методический совет предлагал также активно использовать на уроках обществоведения периодическую печать и выпускать свою школьную газету¹.

Недостаточное финансирование школьной сети в 1920-е гг. и попытки органов народного образования директивными указаниями вводить экспериментальные педагогические методики в учебный процесс приводили к понижению качества образования². До некоторой степени плохое качество знаний у выпускников школы было запрограммировано самой направленностью школы в первую очередь на воспитание, а лишь затем на образование. Кроме того, по мысли многих советских педагогов 1920-х гг., целью образования являлось не усвоение знаний, а развитие способностей³. Считалось, что нет большой беды в том, что новая школа снижает успехи учеников по сравнению с тем, что она прививает навыки самообразования⁴.

В Уральской области повсеместно инспекторы отделов народного образования отмечали снижение результативности учебной работы. О том же говорится в отчетах окружных комитетов партии и органов народного образования, представленных в Уралобком ВКП(б). Так, итоговый отчет органов народного просвещения на Урале за 1925/26 уч. г. (сельские школы) свидетельствует, что даже у окончивших школы повышенного типа отсутствуют самые элементарные знания (выводы сделаны по итогам приема в ВУЗы и техникумы). Картина не меняется и во второй половине 1920-х гг.

Такое положение наблюдалось не только в школах уральского региона. 18 января 1927 года выходит постановление ЦК ВКП (б) «О преподавании обществоведения в школах II ступени, фабзавуча и крестьянской молодежи»⁵, в котором отмечалось, что преподавание обществоведения в школах остается «одним из слабых участков народного просвещения». В качестве нерешенных проблем указывалось на отсутствие программ и учебников для I и II образовательных концентров, отвечающих возрастным особенностям учащихся; на нехватку преподавательских кадров, готовых к введению нового курса, преобладание среди них педагогов немарксистов; на недостаточную работу по повышению квалификации учителей-обществоведов и др.

Вслед за авторами постановления, основываясь на архивных документах, мы можем утверждать, что фактический провал в преподавании обществоведения и в начальных школах, и в школах повышенного типа был обусловлен рядом очень серьезных причин, в частности, практически полным отсутствием учебных программ и учебных пособий, написанных с учетом возрастных и психологических особенностей учащихся; система высшего и среднего педагогического образования не успела подготовить специалистов подобного профиля; да и сам процесс становления данной учебной дисциплины находился еще в самом начале.

Источники и литература:

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 175. Л. 15.

¹ ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 22. Л. 22; 55.

² Просвещение на Урале: стат. сб. Свердловск, 1930. Сер. 6. Т. 8. С. 143.

³ Вендровская Р. Б. Очерки истории советской дидактики. М., 1982. С. 25-27.

⁴ Ленин В. И. Полн. собрание сочинений. М. Т. 41. С. 393-395.

⁵ Там же. С. 151-152.

- ГАСО. Ф. 233. Оп. 1.
 Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 557. Оп. 4.
 ГАПК. Ф. 620. Оп. 9.
 Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1494. Оп. 1.
 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2.
 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д.
 ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1.
 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4.
 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5.
 ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1.
 Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 77. Оп. 1.
 Бушик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961.
 Вендровская Р. Б. Воспитание в процессе обучения: теория и практика 20-х гг. // Советская педагогика. 1988. № 4.
 Вендровская Р. Б. Очерки истории советской дидактики. М., 1982.
 Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. С. 68; Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994. С. 70.
 Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948.
 Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917–1920 гг.). М., 1958. С. 45.; Вендровская Р. Б. Очерки истории советской дидактики. М., 1982.
 Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917–1920 гг.). М., 1958.
 Ленин В. И. Полн. собрание сочинений. М. Т. 41.
 Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1993.
 Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1975.
 Округ (орган Свердловского окрисполкома и горсовета). 1927. № 11.
 Основные направления педагогических дискуссий 20-х годов // Становление и развитие советской школы и педагогики (1917-1937 гг.). М., 1995. С. 26; Фрадкин в системе социализирующих факторов // Педагогика. 1995. № 2. С. 80.
 Отчет Уральского областного бюро ЦК РКП(б) Первой Уральской областной конференции РКП(б), 5-го декабря 1923 г. Екатеринбург, 1923. С. 41, 200; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 611. Л. 72.
 Очерки по истории советской школы и педагогики. М., 1965.
 Просвещение на Урале: стат. сб. Свердловск, 1930. Сер. 6. Т. 8.
 Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961.
 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 147. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.
 Уральский учитель. 1926. № 7-8.
 Холмс. История России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994. С. 67, 73; Милуков по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1993. С. 394-396.
 Шацкий Ф. Ф. Педагогические сочинения. Т. 2. М., 1980.